- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-41-44

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой частного права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Аннотация. *В статье рассматривается цифровизация как многослойный процесс трансформации современного общества. На основе анализа российских и зарубежных нормативных актов выявляются ключевые направления воздействия цифровизации: возникновение новых рисков для прав человека, частной жизни. Особое внимание уделяется развитию риск-ориентированного регулирования искусственного интеллекта, защиты персональных данных.*

Ключевые слова: *цифровизация; цифровое общество; искусственный интеллект; персональные данные; цифровое право.*

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2026-0004 «Цифровизация и ее влияние на современное общество и культуру: когнитивные, правовые, экономические вызовы и перспективы»)

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Private Law, Faculty of Law, FSBEI HE "State Academic University of Humanities"

LEGAL PERSPECTIVES OF THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON MODERN SOCIETY

Annotation. *The article examines digitalization as a multilayer process of transformation of modern society. Based on the analysis of Russian and foreign regulations, the key areas of impact of digitalization are identified: the emergence of new risks for human rights and privacy. Special attention is paid to the development of risk-oriented regulation of artificial intelligence and the protection of personal data.*

Key words: *digitalization; digital society; artificial intelligence; personal data; digital law.*

The article was prepared at the State Academic University of the Humanities as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2026-0004 "Digitalization and its impact on modern society and culture: cognitive, legal, economic challenges and prospects")

Цифровизация в XXI в. перестала быть периферийной темой, относящейся только к сфере информационных технологий. Она превратилась в универсальный способ организации власти, экономики, культуры. В научном и политико-правовом дискурсе цифровизация все чаще понимается не просто как внедрение программного обеспечения или перевод документов в электронную форму, а как смена инфраструктуры общественной жизни, при которой данные, вычисления становятся основным механизмом принятия решений и распределения ресурсов [4,с.64-75].

Именно поэтому цифровизация должна анализироваться не только как технологический, но и как цивилизационный процесс.

В российском правопорядке стратегическое значение цифровизации зафиксировано на уровне государственных приоритетов. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы закрепила курс на формирование общества знаний и цифровой экономики. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, утвержденная в 2019 г. и уточненная в 2024 г., придала цифровой трансформации дополнительный вектор, связанный с активным внедрением систем искусственного интеллекта в управление, экономику, здравоохранение, образование и иные сферы. Вместе с тем нарастающее усложнение цифровой среды делает недостаточным только технологическое понимание цифровизации [3, с.61].

Правовая проблематика цифровизации носит многоаспектный характер. Она охватывает как традиционные институты - частную жизнь, интеллектуальную собственность, конкуренцию, так и новые режимы регулирования, связанные с данными, платформами, ИИ и цифровой инфраструктурой. В целом правовые вызовы цифровизации можно свести к трем ключевым аспектам: 1) защита данных и частной жизни; 2) ограничение «платформенной власти» (идея в том, чтобы не дать цифровым платформам использовать своё положение для действий, которые вредят конкуренции, ограничивают выбор людей или создают риски для других участников рынка); 3) обеспечение эффективных правовых процедур обжалования автоматизированных решений.

Первый аспект связан с персональными данными и правом на частную жизнь. Федеральный закон «О персональных данных» прямо связывает обработку персональных данных с защитой прав и свобод человека и гражданина. Однако в условиях платформенной экономики персональные данные перестали быть лишь сопутствующим элементом коммуникации и превратились в экономический ресурс.

Второй связан с регулированием искусственного интеллекта. Глобальный цифровой договор ООН исходит из необходимости соблюдения международного права и прав человека в цифровой среде [5].

Третий касается экспериментального правового регулирования. Принимая Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», законодатель стремился обеспечить баланс между инновационным развитием и управляемостью правовых рисков. Однако с научной точки зрения такой режим допустим лишь при наличии ясных пределов эксперимента, обратной связи, внешнего аудита и недопустимости снижения базовых гарантий прав личности. Иначе эксперимент может стать способом обхода общих принципов права под предлогом технологической потребности.

От ответа на эти вызовы зависит, станет ли цифровая трансформация инструментом усиления прав человека либо механизмом технологического неравенства.

Действительно, цифровые технологии позволяют автоматизировать операции, ускорять логистику, повышать точность аналитики, масштабировать сервисы без пропорционального роста материальной инфраструктуры, развивать электронную коммерцию, цифровые финансы и гибридные формы занятости. Именно поэтому цифровая трансформация рассматривается как ресурс конкурентоспособности и экономического суверенитета.

Вместе с тем возникает новая форма экономического неравенства, основанная не только на собственности на материальные активы, но и на контроле над данными и облачной инфраструктурой. В этой конфигурации выигрывает не всегда тот, кто производит контент или товар, а тот, кто управляет маршрутом доступа к пользователю.

В этом смысле подлинная эффективность цифровизации должна оцениваться не только через капитализацию технологических компаний, но и через доступность цифровых благ, устойчивость цепочек поставок и способность экономики распределять выгоды цифровой трансформации более равномерно.

Для российской правовой и социально-экономической политики проблема цифровизации имеет особую специфику. В современных условиях целесообразно выделить несколько приоритетов.

Во-первых, необходима более четкая доктринальная фиксация цифровых прав и законных интересов личности. Российское право уже располагает институтами защиты персональных данных, тайны частной жизни, права на информацию, однако в цифровую эпоху этого недостаточно.

Технологическая скорость не может подменять нормативное качество, а эффективность — вытеснять справедливость. Чем раньше эти принципы будут встроены в цифровое регулирование, тем выше вероятность того, что цифровая трансформация будет служить общественному развитию, а не воспроизводству новых форм зависимости и неравенства.

Правовой эффект цифровизации прежде всего проявляется в том, что данные превращаются в один из ключевых объектов правовой охраны. Российский правопорядок уже содержит базовые элементы такого регулирования в Феде-

ральных законах № 152-ФЗ «О персональных данных» и № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Особенно показательно, что статья 16 Закона « О персональных данных» прямо запрещает принятие решений, порождающих юридические последствия для лица либо иным образом затрагивающих его права и законные интересы, исключительно на основе автоматизированной обработки персональных данных, если нет письменного согласия субъекта или прямого указания федерального закона.

Отсюда вытекает первая правовая перспектива: движение от классической модели юридической ответственности post factum к модели превентивного регулирования. Недостаточно установить ответственность за вред, причиненный цифровой системой - право все чаще должно требовать предварительной оценки рисков, человеческого контроля, процедур обжалования и распределения ответственности между разработчиком, оператором, владельцем инфраструктуры и публичным органом, использующим систему.

В этом направлении движутся международные стандарты: документы ЮНЕСКО [6] прямо подчеркивают необходимость прозрачности, надзора, подотчетности и оценки воздействия цифровых технологий на права человека.

В ближайшие годы, в качестве второй перспективы, право будет все чаще отвечать не только на вопрос, «какие данные можно собирать», но и на вопрос: какие выводы можно делать из данных и какие юридические последствия допустимо связывать с этими выводами. Именно здесь наиболее остро встают проблемы проверяемости и оспоримости решений, принимаемых при помощи ИИ и иных аналитических систем.

Ранее юридическая процедура была связана с участием должностного лица, документом на бумаге, устным объяснением мотивов решения и возможностью формального обжалования. В цифровой среде процедура становится распределенной: часть решения принимает человек, часть — информационная система. Такой подход логически вытекает из уже существующего запрета на исключительно автоматизированные решения в российском праве.

Третья правовая перспектива связана с расширением цифровой идентификации и биометрии. Федеральный закон от 29.12.2022 N 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц..» закрепил специальный режим идентификации и аутентификации с использованием биометрических персональных данных. Закон прямо предусматривает случаи, когда действия по идентификации и аутентификации через единую биометрическую систему и единую систему идентификации и аутентификации приравниваются к предъявлению документа, удостоверяющего личность, если иное не требует предъявления оригинала документа. Это юридически очень значимый шаг: биометрия из технического инструмента превращается в институт публично-правового признания личности. Однако, чем шире использование таких механизмов, тем выше требования к безопасности хранения, независимому надзору и наличию альтернативного, не биометрического канала доступа к услугам. Иначе цифровое удобство может обернуться способом исключения из правового пространства лиц, не желающих или не способных пользоваться биометрической идентификацией [2, с.159].

Четвертая перспектива затрагивает влияние цифровизации на правосудие и доступ к правовой защите. Для российской правовой политики это особенно важно: перспективным является не тотальная цифровизация правосудия, а модель, в которой цифровой формат является приоритетным, но не единственно допустимым.

Пятая перспектива связана с развитием экспериментального правового регулирования. Федеральный закон № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» отражает понимание того, что существующий законодательный цикл не всегда успевает за темпом технологических изменений. Сама идея регуляторных «песочниц» рациональна: она позволяет тестировать новые модели оборота данных, цифровых финансовых инструментов. Однако, именно здесь особенно велик риск нормализации «временных исключений» из общих гарантий. Поэтому долгосрочно оправдан лишь такой экспериментальный режим, который заранее ограничен по сроку, прозрачными критериями эффективности, механизмом возмещения вреда и обязательной оценкой его воздействия на права человека [1,с.75].

Системно оценивая правовые перспективы цифровизации, можно сделать вывод, что современное право движется к новой модели регулирования, основанной на, как минимум, двух опорах: прозрачность процедуры и подотчетность цифровых субъектов. Именно такая логика просматривается одновременно в развитии российского законодательства о данных и цифровых режимах.

Следовательно, правовая задача ближайших лет состоит уже не в том, чтобы разрешить или запретить цифровизацию, а в том, чтобы встроить ее в правовой порядок таким образом,

чтобы технологическая эффективность не разрушала автономию личности, равенство и гарантии справедливой процедуры.

В прикладном плане для российской правовой политики это означает необходимость как минимум следующих шагов: нормативного закрепления права лица на уведомление об использовании алгоритмического решения и на его пересмотр человеком; принятия специальных правил для использования ИИ и автоматизированной аналитики в публичном управлении, образовании, медицине и правоохранительной деятельности; ужесточения требований к биометрической идентификации и хранениям данных. В перспективе именно эти элементы могут составить ядро нового цифрового правопорядка, в котором право не догоняет технологию, а задает ей допустимые ориентиры развития.

Подводя итог, следует заметить, что цифровизация является одним из наиболее масштабных процессов современной эпохи, определяющих характер общественного развития. Ее воздействие не ограничивается технической модернизацией. Она перераспределяет экономические выгоды, меняет представления о частной жизни, авторстве, ответственности. В этом смысле цифровизация выступает новой средой существования права и экономики.

Вместе с тем пока отсутствует универсальная и полностью сбалансированная модель регулирования. Главный вопрос цифровой эпохи состоит не в том, насколько глубоко технологии проникнут в общество - этот процесс уже необратим, - а в том, кто и на каких правовых и экономических основаниях будет определять правила цифровой среды.

Список литературы:

[1] Вашурина С.С.«Влияние цифровизации на конституционные права граждан»// Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024.№1. С.75

[2] Лескина Э. И. «Влияние цифровизации на конституционные права граждан»// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025.№ 4.С.159

[3] Петренко И.А., Курзаков М., Магомедова Е. А. «Влияние цифровизации на правосознание населения в современной России: сущность и проблемные аспекты».//CIFRA. Право.2025 №3. С.61.

[4] Попова А. В. «К вопросу о регламентации и содержании системы правовых принципов взаимодействия человека с искусственным интеллектом, роботами и объектами робототехники»//: Правовое государство: теория и практика. 2020.№4. С.64–75

[5] Global Digital Compact. United Nations, 2024.

[6] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO, 2021.

References:

[1] Vashurina S.S. “The impact of digitalization on the constitutional rights of citizens “//Theoretical and applied jurisprudence. 2024.№1. S.75

[2] Leskina E. I. “The impact of digitalization on the constitutional rights of citizens “//Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2025. No. 4.S.159

[3] Petrenko I.A., Kurzakov M., Magomedova E.A. “The impact of digitalization on the legal consciousness of the population in modern Russia: essence and problematic aspects. “//CIFRA. Law .2025 No. 3. S.61.

[4] Popova A. V. “On the question of the regulation and content of the system of legal principles of human interaction with artificial intelligence, robots and robotics objects “//: The rule of law: theory and practice. 2020.№4. S.64-75

[5] Global Digital Compact. United Nations, 2024.

[6] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO, 2021.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.